

В то время Второму высочеству должно было быть около одиннадцати лет, и её внешность и телосложение Гу Шэн вряд ли могла узнать. Третий принц, который был младше неё всего на несколько месяцев, носил такую же церемониальную одежду, как и другие императорские аристократы, отличавшуюся лишь вышивкой, что делало их практически неразличимыми.

В этом огромном зале, ширина которого составляла девять пролетов, а глубина — пять, последние лучи заходящего солнца едва проникали внутрь, и Гу Шэн, чьё зрение было ограничено, могла лишь ждать, пока позже, когда все восьмиугольные дворцовые фонари будут зажжены, она снова попытается найти его.

Рядом с ней Гу Жао всё ещё пожирала сладости на низком столике. В её руках оставался последний поднос с пирожными из финиковой муки, от которого остались лишь крошки.

Госпожа Янь, сопровождавшая двух несовершеннолетних яшмовых господ, могла лишь сидеть за одним длинным столом. Она хотела отобрать у Гу Жао тарелку, чтобы накормить Гу Шэн чем-нибудь сладким и утолить её голод.

Но Гу Жао, продолжая есть, бросала на неё взгляды, словно предупреждая, оскаливая зубы и широко раскрывая глаза, как собака, защищающая свою еду, что делало любые попытки бесполезными.

Гу Шэн презрительно усмехнулась, потянула за рукав госпожи Янь и сказала, что не голодна, про себя думая: «Ешь, ешь, посмотрим, сколько ты сможешь съесть, когда подадут настоящие императорские блюда!»

Хотя она так думала, слюна во рту предательски выдавала её, и после нескольких глотаний она услышала, как её живот заурчал.

Она лишь проклинала этот дворцовый пир за его строгость: на каждом столе подавали только один поднос с десертом, что было совершенно бесчеловечно! Ведь несовершеннолетние дети тоже люди!

Даже если она и не была голодна, этот сладкий аромат мог свести её с ума!

Госпожа Янь уже была на грани того, чтобы разорвать свой носовой платок от злости, виня в этом то, что столы яшмовых господ стояли слишком близко друг к другу, и малейший шум мог привлечь внимание окружающих.

Рядом с ними сидел внешне спокойный мужчина-яшмовый господин, который по кусочку кормил своего ребёнка сладостями. Госпожа Янь смотрела на это с грустью, ведь она тоже хотела накормить Гу Шэн, но все тарелки были захвачены Гу Жао.

Хотя Гу Жао не была её родной дочерью, другие яшмовые господа, присутствовавшие здесь, не знали подробностей её семейной жизни, и госпожа Янь не могла публично отбирать еду у Гу Жао, чтобы накормить свою дочь. Да и Гу Жао была той, кто не стеснялся устраивать сцены, так что госпожа Янь могла лишь сдерживаться.

Когда на стол подали следующий поднос с солёными персиковыми пирожными, госпожа Янь действовала быстро: не дожидаясь, пока служанка поставит тарелку на стол, она схватила ложку и палочки, зачерпнула половину пирожных и тут же попыталась запихнуть их в рот Гу Шэн!

Эта сцена... заставила Гу Шэн хохотать!

За всю свою жизнь она никогда не видела, чтобы её гордая и изысканная мать вела себя так грубо. Это зрелище одновременно тронуло её и заставило смеяться до слёз.

Гу Жао, увидев, что госпожа Янь забрала её сладости, конечно, разозлилась, но, когда она попыталась отобрать «свои» пирожные, она увидела, как Гу Шэн, смеясь, с жадностью облизывает все пирожные, которые ей подносят, оставляя за собой длинные следы слюны. В итоге она лишь с негодованием сдалась.

Гу Шэн схватила одно из пирожных, которое она уже «поставила» своей слюной, и с радостью протянула его госпоже Янь. Та отказывалась, говоря, что не голодна, и притворялась, что брезгует слюной дочери, но Гу Шэн настаивала.

Гу Шэн не сдавалась, и госпожа Янь, отказываясь есть, вертелась, как угорь, вызывая у окружающих яшмовых господ взгляды, полные умиления и зависти.

Один мужчина не удержался и заметил:

— Эта девочка такая заботливая, моей Хуань уже восемь лет, а она всё ещё...

— Папа! — сидевшая рядом с ним девочка тут же надула губы, протестуя против того, что отец выдает её старые грехи.

Услышав это, несколько молодых яшмовых господ, у которых ещё не было детей, с завистью смотрели на Гу Шэн, улыбаясь и говоря, что хотели бы родить такого же послушного ребёнка.

Кто-то из присутствующих, увидев, что Гу Жао всё ещё ест в одиночестве, мягко сказал:

— Девочка, тебе стоит поучиться у своей младшей сестры, тогда мама будет любить тебя сильнее.

— Она мне не мама! — Гу Жао тут же вскинула голову и выкрикнула, не выбирая выражений.

Услышав это, все яшмовые господа остолбенели, с недоумением глядя на госпожу Янь — как это ребёнок может не признавать свою мать?

Госпожа Янь, вынужденная выставить семейное позорище напоказ, мягко объяснила, что Гу Жао — дочь её наложницы.

Все присутствующие яшмовые господа происходили из обычных моногамных семей, и, услышав этот рассказ, они прониклись сочувствием.

Некоторые даже с отвращением посмотрели на Гу Жао, негромко, но ясно пробормотав:

— Оказывается, она побочная. Госпожа Янь и вправду великодушна, что привела сюда дочь презренной наложницы. У тебя поистине золотое сердце.

Гу Жао никогда не ощущала разницы между законными и незаконнорожденными детьми в семье и всегда считала, что её статус выше, чем у Гу Шэн. Но теперь, увидев презрительные взгляды окружающих, она впервые почувствовала сильный страх.

Гу Жао была зла, но больше всего она боялась, ведь госпожа Шэнь и господин Гу были далеко, и она могла лишь опустить голову и сжаться за столом, не вступая в споры, размышляя о том, как рассказать обо всём отцу и госпоже Шэнь.

В шестом часу вечера, когда яшмовые госпожа всю разговаривали, снаружи зала раздался звук хлопшек, и громкий голос евнуха разнёсся по залу:

— Его Величество прибыл!

Все поспешно встали и опустились на колени. Гу Шэн, пользуясь своим маленьким ростом, спряталась в толпе и украдкой подняла голову, чтобы сквозь щели между людьми увидеть происходящее.

В окружении свиты слуг в зал вошёл император Цию, облачённый в жёлтый халат с вышитыми золотыми драконами. Рядом с ним шла императрица в короне с девятью драконами и четырьмя фениксами, державшая на руках маленький свёрток, в котором спала, сладко посапывая, девятая принцесса.

За ними следовали императорские аристократы и драгоценные наложницы, все почтительно сопровождавшие императора и императрицу к центральной части зала.

Император Цию повернулся перед тронем и величественно встал лицом к собравшимся.

В зале раздались громкие приветствия:

— Желаем долгих лет Его Величеству и Императрице-матушке!

— Вставайте.

Когда все встали, Гу Шэн уже заметила стройную фигуру с холодными глазами, стоявшую среди императорских аристократов справа от императора Цию.

— Цзян Хань... — Гу Шэн судорожно сжала кулаки.

После того как все снова сели, мысли Гу Шэн полностью устремились ко Второму высочеству.

С другой стороны, Гу Жао, всё ещё переживая унижение, нанесённое ей ранее, потеряла всякий интерес к еде.

Таким образом, двое детей, сидевших по обе стороны от госпожи Янь, выглядели крайне озабоченными, и даже самые изысканные блюда, подаваемые на стол, не могли пробудить их аппетит, что совершенно сбilo с толку госпожу Янь, которая тоже потеряла желание есть.

Каждый раз, когда Гу Шэн украдкой смотрела на Второе высочество, её сердце начинало биться так сильно, что она едва сдерживала крик. Какое уж тут было желание есть?

После того как Второе высочество село за стол, оно не оставалось спокойным, и Гу Шэн внимательно следила за каждым его движением.

В начале пира все вели себя тихо, но когда император сам начал настраивать атмосферу, зал постепенно оживился.

Второе высочество тоже перестало сдерживаться и начало проявлять детскую шаловливость, то и дело шепча что-то Третьему принцу и смеясь до упаду, что совсем не походило на то, какой Гу Шэн запомнила её.

Шум в зале стал настолько громким, что разбудил девятое высочество, которое только что поело и заснуло.

Малышка выразила своё крайнее недовольство громким воплем, который перешёл от рук служанки к императрице, и даже после этого она не успокоилась, её маленький носик покраснел от плача.

В это время император Цию уже покинул своё место и разговаривал с важными сановниками.

Чтобы успокоить девятое высочество до возвращения императора, несколько императорских аристократов, включая Второе высочество, окружили императрицу, корча рожицы и хлопая в ладоши перед малышкой.

Это лишь напугало девятое высочество ещё больше.

Императрица махнула рукой, прогнав ненадёжных братьев и сестёр, и начала трясти поднос с листьями лотоса и петь малышке.

Лишь когда императрица случайно взяла миндальное пирожное с подноса, девятое высочество мгновенно перестало плакать.

Да, девятое высочество увидело еду и перестало плакать.

Её длинные ресницы были мокрыми от слёз, мягко слипшись в пучки, а блестящие светлые глаза смотрели прямо на пирожное в руках императрицы, а затем... её ротик сделал сосательное движение.

Лицо императрицы вытянулось.

После этого служанки использовали этот трюк, держа еду перед глазами девятого высочества, и, наконец, смогли спокойно провести весь пир.

Хотя девятое высочество так и не смогло попробовать ни кусочка, оно, похоже, не чувствовало разочарования.

<http://bllate.org/book/16655/1526324>